

ЭДГАР ЛИ МАСТЕРС

Из книги «Новый Спун-Ривер»

Вступление и перевод с английского Андрея Сергеева *

В Чикаго начала века Эдгар Ли Мастерс (1868—1950) был известным адвокатом и малоизвестным писателем. В течение многих лет он выпускал довольно бесцветные книги стихов и прозы, принимал участие в литературной жизни города, дружил с Драйзером и Карлом Сэндбергом. Его литературная судьба резко изменилась в 1915 году после выхода «Антологии Спун-Ривер» — сорокасемилетний Мастерс стал знаменитостью. Книга его была первым сборником стихов в списках бестселлеров. Критика и собраты-писатели объявили его одним из выдающихся поэтов современности — и это как раз в годы небывалого поэтического расцвета, известного под названием «Американского возрождения». Он был по праву причислен к Большой пятерке поэтов американского поэтического возрождения 10—20-х годов: Эдвин Арлингтон Робинсон, Роберт Фрост, Карл Сэндберг, Вэчел Линдзи, Эдгар Ли Мастерс.

Мастерс вырос в американской глуши, в маленьких среднезападных городках Питерсберге и Льюистоне — в книге он объединил их в Спун-Ривер (название реальное, есть такая река в штате Иллинойс). Тема американской провинции влекла его — он даже намеревался написать роман о Среднем Западе, долгое время был одержим этой идеей, однако замысел его упорно отказывался воплотиться в романских формах. Неожиданным спасителем оказался веривший в его талант редактор сент-луисской газеты «Ридиз Миррор» Уильям Мерион Риди. Он как бы невзначай дал почитать Мастерсу «Греческую антологию» — сборник коротких стихотворений древнегреческих и византийских авторов. Среди этих стихотворений были и эпитафии, лапидарно обрисовывавшие главное в человеке и в его жизни. Мастерса переполняли образы, в сущности, того же рода. Однако провинциальные эпитафии, каких Мастерс видал на своем веку множество, — наихудшие образчики лицемерия и дурного вкуса.

---

* ЭДГАР ЛИ МАСТЕРС — Из книги «Новый Спун-Ривер» (*Стихи. Вступление и перевод с английского Андрея Сергеева*) // *Иностранная литература*, 1989, № 5, 186–193.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://www.imwerden.de>

Возникла идея реалистической автоэпитафии: пройдя жизненный путь, человек как бы сам говорит о себе главное. Но и этого Мастерсу было мало. Человек сказал о себе все — но знает ли он о себе все? Другие могут добавить такое, о чем он даже не подозревает. И вот одна автоэпитафия корректирует другую, а третья может пролить неожиданный свет на первые две и так далее. Складывается подвижная калейдоскопическая мозаика, картина столь динамичная, что являет собою, по сути дела, многосюжетное построение. Такой богатой глубокой картины провинциальной жизни в США XX века дотоле не было даже в прозе: первые книги на эту тему появились годами пятью позже — «Уайнсбург, Огайо» Шервуда Андерсона, «Главная улица» Синклера Льюиса.

От имени своих героев поэт выступал то как реформатор-публицист, то как глубокий психолог; он и верующий и атеист, безучастный наблюдатель нравов и пронзительный лирик, пристрастный исследователь человеческого горя и радости, чистой воды идеалист доброго старого времени, вглядывающийся в вечное противоборство добра и зла, праведности и греха.

Написав и издав «Антологию Спун-Ривер», Мастерс внутренне не расстался со своим кровным материалом. С одной стороны, он еще не высказал все, что имел в виду; с другой — среднезападные городки от года к году разрастались, видоизменялись, жизнь в них делалась грустнее и грязнее — и это, в свою очередь, требовало поэтического комментария.

В 1924 году вышел второй том «Антологии» — «Новый Спун-Ривер», книга столь же правдивая и глубокая, как и первый том, но куда более беспощадная, резкая и мрачная. Она также завоевала огромное читательское признание. Это был тот же Спун-Ривер, но в изменившейся исторической обстановке: прошла война, городок захлестнула индустриализация, он стал придатком Чикаго. Авторская интонация в этой книге становится более горькой, характеры более обобщенными, Мастерс анализирует слабости демократии, ее уступки плутократии и демагогии.

После «Нового Спун-Ривера» Мастерс выпустил в свет еще много стихов и прозы, не заслуживающих серьезного внимания. Несмотря на почести, возданные ему Американской академией искусств и литературы, поэт уже в 30-е годы перестал участвовать в литературной жизни США. В 40-е годы читатель брал в руки старую, знакомую книгу, не подозревая, что автор ее здравствует. После долгой, лишенной ярких внешних событий жизни одинокий, забытый Эдгар Ли Мастерс скончался в филадельфийском доме для престарелых.

Главная книга его жизни, диалогия «Спун-Ривер», стала классикой XX века. Число ее изданий на родине давно перевалило за сотню. «Спун-Ривер» перевели на основные языки мира — у нас с тридцатых годов во всех антологиях американской поэзии печатались обширные выборки из прославленной книги. Сейчас издательство «Художественная литература» выпускает в свет первое полное русское издание «Антологии Спун-Ривер» и «Нового Спун-Ривера».

Уиллис Беггс

Друзья Спун-Ривера,
Достиг я вершины успеха?
Бережливость, труд, смелость, честность,
Направленные на расширение консервной фабрики, —
Преобразились они во что-то иное,
Нежели бережливость, труд, смелость, честность,
По отношению к консервной фабрике?
Являются ли механизмы цивилизации
Самой цивилизацией?
Или они лишь орудья, и ими возводят фабрики
Или Парфеноны?
Друзья Спун-Ривера, я построил себе тюрьму,
Поставил стены между собой и полнотой жизни,
Между собой и счастьем
И знал лишь счастье трудиться.
И все время я видел в окно,
Как погибает Америка, стремясь к жизни,
Которой нельзя добиться
Бережливостью, трудом, смелостью
Во имя консервной фабрики!

Эзра Финк

Я старался быть как старый Эллиот Хокинс,
Из батраков выбился в учителя,
Стал адвокатом, потом занялся политикой,
Знаю полезных людей
И в церкви заметен...
(Вспомните мою речь о паденье Афин
Из-за безнравственной нехристианской жизни.)
Наконец был избран судьей в городской суд.

Затем стал партнером чикагского адвоката,
Боролся против восьмичасового рабочего дня,
Объединял промышленников.
Всегда деловит — дальше, дальше и вверх, вверх.
Умерен, верен жене — и никаких глупостей!
Наконец, назначен председателем треста.
Теперь я хозяин десятков тысяч рабочих
И сотен миллионов долларов.
Купил консервную фабричку в Спун-Ривере;
Построил церковь в Спун-Ривере;
Я попечитель библиотеки в Спун-Ривере,
Наблюдаю за выбором книг для библиотеки.
Построил себе гробницу в Спун-Ривере,
На которой велел начертать слова:
«Блаженны мертвые, умирающие в Господе».

Генри Брекенридж

Как письмоводитель судьи Арнетта
Я регулярно вносил записи в тот том,
Который пробил ему голову и убил,
Ибо был сброшен с полки взрывной волной,
Когда на консервной фабрике бак с бензином
Вспыхнул и опалил Поскребыша Уэлди.
Перемены настали в жизни Спун-Ривера:
Вместо былых судов теперь учрежден
Городской суд, и я в нем снова письмоводитель.
И вместо судьи толстого и добродушного,
Выбранного горсткой своих из своих же,
Мы имеем судейских в черных шелковых мантиях,
А ими издалека командует Эзра Финк.
И вместо речей, веселья и остроумья
И присяжных, которые то кричат, то хохочут
(Красноречье тогда считалось великим даром),
Тяжущиеся теперь входят, как свиньи на бойню,
И вылетают с суда копчеными окороками;
Присяжные с лицами каменными, как у индейцев,
Подпишут любой вердикт по приказу суда.
И если б ученый судья вдруг лишился места
Или на него бы свалился тяжелый том,
Это случилось бы от дуновения Эзры Финка,
Шепнувшего слово из своего Нью-Йорка
По радио!

Джей Хокинс

Джей идет! Ушел с головой в газетные заголовки!
Я и попал под машину, читая,
Как некий тип убивал девушек!
Годами торчал у газетных киосков
В ожиданье последней чикагской газеты,
Одержимый газетной привычкой
Вдыхать пыль отвратительных новостей,
Позора, ненависти, убийства:
Чей ресторанчик ограбили, кто заподозрен;
Кого осудили, кого линчевали;
Кого приговорили к повешенью;
Какого чиновника или губернатора
Обвиняют во взятках, подкупе или растрате.
Кто развелся, какую пару застигли...
(Было же в них хоть что-то чистое, честное —
К чему пропечатывать их фотографии?)
Сообщенья о ненависти, погоне, борьбе,
Краже, обмане, похоти, порче,
И кто был убит, и кого повесили.
Скажите мне, если жизнь полна красоты,
Полна творчества и благородства,
Почему об этом не пишут?

Мэр Марстон

До меня каждого мэра, насколько можно упомнить,
Поносили как мечтателя и демагога
Или как вора и проходимца —
И все же я вступил в должность с надеждой
Облагодетельствовать ее, отблагодарить избирателей,
Не давать рвачам преступать законы.
Когда по старинке «Леджер» собрался продать
Свою землю под парк, я наложил запрет.
Я отогнал от кормушки самых гнусных свиней.
И что получилось? Волна злодеяний
Захлестнула — по крайней мере полосы «Леджера»!
Везде ограбленья, азартные игры, бутлегерство,
Гнезда порока!
Пошли разговоры в церквах,
Суды тоже подняли голос против меня.
Очернили мое имя и имя города —
Убили меня, чтоб никто не мешал.
Друзья мои, эту мерзкую уголовщину
Смеют звать демократией!

Рода Питкин

Сет Комптон умер, и лишь потому
Мы изгнали Вольни, Геккеля, Дарвина;
Карнеги подарил нам здание,
А Эзра Финк подарил нам книги!
А в школе ведь я обучала Эзру,
Помогла ему стать тем, чем он стал.
Как гордилась я званьем библиотекаря!
А Эзра своей заботой и властью
Назначил закупочную комиссию.
Верой, историей и беллетристикой
Мы стали воспитывать из детей
Друзей закона и патриотов.
Мужчин, настоящих американцев!
Чем кормишь людей, тем они становятся:
Мясо для мускулов, дух для мыслей.
Кто знает, какого сорта юноша
Выбьется в президенты Штатов
И будет править ими, храня
Их процветанье и чистоту, —
Прочтя те книги, что Эзра Финк
Одобрил и подарил Спун-Риверу?

Неизвестные солдаты

Путник! Скажи спунриверцам, что, во-первых,
Мы лежим здесь, послушные их словам;
И во-вторых, знай мы, что стоит за словами,
Мы бы здесь не лежали!

Наст Уиленд

У Уэдона над «колонкой редактора»
Обычно стояло подобье девиза:
«Долой салун, да здравствует дом!»
И всю жизнь он не оставлял их в покое
И стравливал дом и салун друг с другом,
И они бранились, почти воевали,
Хотя в душе оставались друзьями.
Когда война между ними кончилась
И гнусный салун был ниспровергнут,
А дом победил — то что получилось?

Дом покори́л себе́ гнусный салун,
И заставил зализывать себе́ раны,
И служить себе́ с чердака до подвала,
В котором домашнее пиво, домашние вина
И самогон из зерна и картошки
Подавались так же свободно, как прежде
В шумном трактире Бурхарда!

Еврипид Алексопулос

И у меня́ было видение:
Дивный юноша с лирой возле аптеки Трейнора.
Люди слушали, проходили, ворчали,
Возвращались и требовали, чтоб он работал
Или убирался из города.
Он стал развозить уголь и продавать газеты,
А вечерами играл на лире.
Соседи бранились: он учит мечтам и безделью.
А он опять заиграл на улицах.
Его ругали, освистывали, похваливали,
А он нуждался в деньгах, нуждался.
И он отложил свою лиру — на музыку не проживешь!
Когда он взял ее вновь, то увидел, что струны ослабли.
Он настроил и заиграл — как никогда!
И тут уплыли его последние деньги.
Сгущались тени, молодость уходила.
Подрастали дети и требовали расходов.
Так что же, играть на лире или работать?
Все говорили: работать ради детей.
Их надо кормить и обучать,
А лира — кому она только нужна?
И его убедили работать, только работать.
У него отросла седая длинная борода,
Он сгорбился, а глаза ввалились,
И пальцы стали толстыми, грубыми.
Теперь он не мог ни играть, ни работать.
Он сидел на скамейке в парке;
Внезапно лохмотья на нем растаяли,
Как тучки на солнце,
И он встал на церковный шпиль
И плюнул на город —
Он был Аполлон!

Чокли Камерон

Если Декларация Независимости —
Это душа конституции,
Почему никогда не заставишь суд
Поверить законы и постановления
Неотъемлемым правом на поиски счастья?
Молодой адвокат, на первом своем процессе
Я оспорил право властей Спун-Ривера
Запретить балет.
Ибо это противоречит конституционному
Праву на поиски счастья.
И что же? Суд надо мной посмеялся,
А толпа меня освистала.
На моей стороне был лишь мой клиент
И несколько балерин.
И я сгорел со стыда.

Миссис Гард Уэйфул

Моя бабка смотрела за домом и садом,
И при этом сама ткала и стряпала,
И вырастила десятерых.
За маминим домом смотрели слуги,
Она воспитала нас троих.
Я умею руководить клубом,
Проводить выборы приемной комиссии
И произносить речи на завтраке
В честь именитого гостя.
А вот моя дочь Мэрилин,
Ей десять лет, о ней пишут газеты,
Она должна стать знаменитой артисткой —
Не забудь об этом, новый Спун-Ривер!

Сайлас Дженнингс

Демократ!
Сторонник народовластия!
Борец за законы, созданные народом
Для контроля над алчностью, несправедливостью;
Потом борец за законы, созданные народом
Для контроля над вкусами, мыслями и высказываниями.
Демократ отныне тиран,
Отрицает равноправие душ перед законом души
И нарушает ту внутреннюю демократию,
Благодаря которой все души равны
Во всем, что касается верований, вкусов,
Высказываний, увлечений, взглядов на мир.
Демократ ныне фанатик и демагог,
Взбесившаяся цепная собака,
Иуда, уговоривший апостолов
Голосовать против свободы духа.
Лжепророк, выдающий молчанье за речь,
Слепоту за зренье, расслабленность за здоровье,
Семь бесов за одного! Надо мной
Изваяйте тельца с ослиною головою,
Орлиными крыльями,
Драконьими лапами
И единственным глазом циклопа!

Судья Дональд Шумен

Я получил урок смирения,
Поняв, что никакие формальности
Ничего не могут поделаться со смертью.
Я принес венок на могилу судьи Леффлера;
Причетник направил меня в контору,
Где шустрая стенографистка отобрала венок
И сказала: судья до сих пор в мертвецкой,
А номер ей не известен.
Я вспомнил ужасное сообщение о его гибели.
Его положили в гроб — это был не конец.
Друзья окружили его — и это еще не конец.
Он лежал в здание суда — это еще не конец.
Его отвезли в церковь, где молились и пели, —
И это еще не конец.
Прочли молитву в мертвецкой — и это еще не конец.
Он до сих пор в мертвецкой — это еще не конец.
Его следует похоронить. А это будет концом?
Все это лишь продолженье несчастного случая,
Который кончился, когда он умер.

Генри Юдолл

Я был репортером «Леджера»,
Где постепенно меня научили докладывать о событиях
Не так, как я их видел в действительности,
Но так, как они хотели их видеть в печати.
Если б они хоть раз сказали, что я написал неправду!
Но они говорили, что мой отчет не обрадует публику;
Что он не о том, что должно бы быть,
И он не о том, чего быть не может;
Что он должен возвысить или принизить факт —
Чтобы вырос тираж газеты!

Томас Нельсон

Два острейших мига моей жизни:
Первый, когда под рукоплесканья
Я взошел на трибуну власти,
Возглавив совет округа.
Второй, когда я, больной, в одиночестве,
Молча сидел в приемной перед вступлением
В должность преемника.
И в этот смертельный миг
Надо же, чтобы Генри Кабанис,
Мой стародавний враг,
Проваливший мой план строительства
Дорог между районами округа, —
Надо же, чтобы он появился,
Игривый, как эльф, сияющий от злорадства,
Звонкий, словно замерзший дубовый лист,
И изысканно-наглый, —
Чтобы он появился
И с презрительной лаской спросил:
— Ваши последние указания?

Хорас Найт

Друзья! В ваших белых домах и дворцах губернаторов,
В ваших конгрессах союза и штатов
Неужели будут сидеть тонкогубые, лыдые
Выпускники коммерческих колледжей,
Читатели газет и журналов,
Фанатики бережливости,
Преследователи преступности и греха,
Носители сюртуков из «Готового платья»
И шелковых галстуков на резинке,
Решившие, что демократия — царство посредственности?
Или в ваших белых домах и дворцах губернаторов
Будут сидеть мужчины, любовники,
Жизнелюбы, философы и художники,
Для которых жизнь — Свобода и Красота
И которым есть что сказать о Республике,
Которую основали Том Пейн,
Бен Франклин и Томас Джефферсон
И другие отличнейшие отцы
Детей и идей, понимавшие разницу между
Рембрандтом и олеографией,
Между мадерой и виноградным соком,
И знавшие: дружество, гостеприимство и счастье
Превыше всех проповедей и принципов.

Джеймс Истел

Вы прожили много лет и прочли много книг,
Опытом и страданиями вы измерили
Терпенье, Мужество, Дружбу, Любовь.
И узнали, как много злобы на свете и почему,
И как много разбоя на свете и почему,
И как много неправды на свете и почему,
И как много ненависти, жестокости, себялюбья на свете и почему.
Прожив так долго, вы изучили свой век,
И если вы не можете объяснить, что вы узнали,
И если новому поколению неинтересно, что вы узнали, —
То разве вы не похоронены заживо под эпитафией из иероглифов?
И разве вы не голос мудрости,
Которая мало что оставляет в наследство
Грядущей эпохе?